

**Грёзы об Индии. Центральноазиатская политика Павла I.
Материалы к докладу.**Аннотация

Доклад посвящен центральноазиатскому вектору внешней политики Павла I, недостаточно исследованному в отечественной и зарубежной историографии. На основе различных источников, в том числе документов РГИА, дается общий обзор и анализ дипломатических и торгово-экономических связей России со странами Центральной (Средней) Азии в контексте геополитических задач в начальный период «Большой игры» (The Great Game). Предлагается периодизация этих отношений на фоне кардинально меняющегося внешнеполитического курса Павла I, обусловленного международной обстановкой в Европе. Несмотря на некоторые колебания, прослеживается преобладание более активной политики России на Востоке с акцентом на новые подходы в решении внешнеполитических и внешнеэкономических задач в отношении ближайших соседей — Хивинского ханства и Бухарского эмирата с дальним прицелом укрепления позиций далее на Востоке, в том числе, в Индии и активизации с ней торговли.

Терминология

С легкой руки Назарбаева с 1992 г. в политической терминологии и исторической литературе вместо принятого ранее в отечественной науке термина «Средняя Азия», стал преимущественно использоваться термин «Центральная Азия». В этом контексте к этому региону относятся Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркмения. Этот термин использовался прежде всего британской историографией, которая не делала различия между «Средней Азией» и «Центральной Азией» (оба понятия тракуются как «Central Asia»). В советский период существовал экономический регион Казахстан и Средняя Азия, так как районы Казахстана севернее Арала географически относились к Сибири. В СССР использовалось понятие и «Центральная Азия», к которой относили Монголию, Внутреннюю Монголию, Синьцзян, Тибет и Тувинскую республику (где в Кызыле стоит обелиск, обозначающий географический центр материка Азия). ЮНЕСКО в настоящее время к Центральной Азии относит также районы азиатской России южнее таежной зоны, запад Сычуани, север Ганьсу, Афганистан, северо-западную часть Индии, северную часть Пакистана, северо-восточную часть Ирана.

Историография

При анализе внешней политики России на «границе веков» (1796–1801) роль самого самодержца Павла I в отечественной историографии долго не изучалась. Как творцы внешней политики поочередно изображались А. А. Безбородко, С. Р. Воронцов, Н. П. Панин, Ф. В. Ростопчин. Расхожим банальным утверждением был подход, что у «самодура» Павла I и внешняя политика была бессистемной. В дореволюционной историографии общая характеристика внешней политики Павла I была дана, в частности, в серьезных публикациях В. Александренко, Берецкого-Бергфельда, М. В. Ключкова, Д. А. Милютин, В. И. Пичеты. В советский период политика Павла I анализировалась в

отношении прежде всего Англии (А. М. Станиславская) и Франции (А. З. Манфред, В. А. Погосян). В постсоветский период царствование Павла I стало привлекать значительно больше внимания. Одними из первых к серьёзному рассмотрению внешней политики Павла I обратились Б. В. Виноградов, исследовавший кавказский вектор его внешней политики и В. В. Дегоев. Наиболее исследованной оказалась ближневосточная политика Павла I и участие России во второй антифранцузской коалиции (Э. Д. Вербицкий, В. Н. Виноградов, Т. Г. Кобишанов, А. О. Мещерякова и др.). Активно разрабатываемой темой стала косвенно связанная с внешней политикой история Мальтийского ордена в России.

Центральноазиатское направление внешней политики России на рубеже XVIII – начала XIX вв. практически не исследовалось. Отдельные эпизоды освещаются в общих работах, посвященных роли России в исторических судьбах народов Средней Азии (И. В. Волков, С. Н. Брежнева, Х. С. Пирумшоев), торговым и посольским связям России (Х. Г. Гуламов, Г. А. Михалева, М. М. Имашева, Н. Л. Халфин). Дореволюционные публикации учтены в аннотированной библиографии, составленной Л. Н. Карской. Некоторые сведения приводятся в обобщающих работах по истории центральноазиатских государств (Г. М. Емельянова и др.).

Исследования по **Бухарскому эмирату** представлены работами Д.Ю. Арапова, Х.Г. Гуламова, В.В. Дубовицкого, Ш.Х. Хужаевой. Хорезму, который в российской традиции называется **Хивинским ханством**, посвящены работы А. Амитова, Р.Т. Ганиева, А. В. Кочнева (из дореволюционных исследователей торговому аспекту российско-хивинских взаимоотношений большое внимание уделил в своих работах М. Д. Чулков).

Кокандское ханство исследуют работы Ж.Б. Алымбаева, Б.М. Бабаджанова, Скотта Ливая.

Прикаспийским туркменам посвящено немало работ (Х. А. Агаев, Ю. М. Ботяков, М. Аннанепесов, А. К. Каррыев, Э. М. Оздамирова). Отдельная тема — взаимоотношения с **Казахской степью**, или, как ее тогда называли «Киргизской степью», казахов называли тогда в России киргизами или киргиз-кайсаками, а собственно киргизов — «черными киргизами». В рассматриваемое время часть Казахской степи до 1820-х гг. только номинально была в русском подданстве, этот статус правильнее рассматривать как протекторат со стороны России с элементами вассалитета со стороны казахов (Н. Г. Аполлова, В. Я. Басин, В. С. Батракова, Т. К. Бейсенбиев, Е. Б. Бекмаханов (Ермухан Бекмаханович), Н. Е. Бекмаханова, С. К. Елшибаев, Р. Ю. Почекаев, А. Сабырханов).

Отдельно исследовалась роль восточного купечества, центральноазиатской торговле России прежде всего, **армян** (О. А. Никонов, Р. Н. Пирова) и **индийцев** (А. Ю. Юхт).

Представляют интерес параллельные и пересекающиеся сюжеты в исследованиях по **Персии** (Е. В. Андропова, А. Х. Атаева, Н. Г. Куканова, Мехди Джафаризаде, О. А. Никонов), **Афганистану** (Б. А. Ахмедов, М. Р. Арунова в соавторстве с Ю. П. Лалетиным, С. Г. Григорьев, А. Я. Соколов), **Индии** (Н. Б. Байкова, Г. В. Мратхузина, Е. В. Смирнова).

Отдельный сюжет, привлекающий внимание исследователей — **экспедиция донских казаков в Индию**, прерванная в саратовских степях (К. Г. Курбанов, Д. А. Мальцев, Е. В. Меценцев, И. Н. Плешаков и др., в том числе, обобщающее исследование известного историка Наполеоновских войн Виктора Михайловича Безотосного).

Естественно все эти отношения развивались на более широком фоне столкновения **геополитических интересов России и Англии**, того, что получила название «Большая

игра» (The Great Game) (А. Г. Данков, С. В. Лурье, Ф. Ф. Мартенс, М. А. Терентьев; А. Conolly).

Источники

Некоторые документы из фондов РГИА, вводимые в оборот, позволяют уточнить, как менялись цели и задачи России в отношении Центральной Азии в контексте внешней политики Павла I, в которой европейский вектор был преобладающим и определявшим отношения со странами Востока. Это дела из фондов Непременного совета (Ф. 1146), Третьего департамента Сената (Ф. 1374) и др.

Различные официальные документы были в разное время опубликованы в материалах органов государственного управления Россией, сборниках и отдельных публикациях по внешней политике России, тематических сборниках, посвященных взаимоотношениям России со странами Азии. В научный оборот частично введены в оборот статистические источники, позволяющие сделать определённые выводы о торговле России со странами Центральной Азии, прежде всего сведения таможен, хотя систематическая статистика о торговле с отдельными странами появляется позднее. Статистические сведения по внешней торговле за разные годы (в основном более поздние) приводятся в некоторых сборниках (Н. Кайданов), а также в ряде авторских публикаций, в частности, в труде чиновника Департамента внешних сборов МФ А. В. Семенова. Некоторые данные за предшествующее екатерининское царствование (1770-е гг.) были приведены в известном труде М. Д. Чулкова, а сведения о номенклатуре товаров и финансах на Кизлярской и Астраханской таможнях в первые годы царствования Александра I — в описании Кавказа участника Персидского похода, подготовки русско-турецкой конвенции 1800 г. и директора Азиатского департамента МИД С. М. Броневского (за 1807 г.), впервые опубликованном благодаря протекции Н. П. Румянцева в 1823 г., а полностью (с историческим разделом) в 1996 г.

Записки и проекты современников, созданные на «границах веков» и посвященные анализу взаимоотношений России со странами Центральной Азии и перспективам развития, позволяют оживить сухие статистические данные и позволят понять суть полемики на высшем уровне, так как многие из них создавались с надеждой на ознакомление с ними Павла I. Это записка А. О. Арсеньева «О российской торговле», поданная в 1798 г. президенту Коммерц-Коллегии, «Замечания» врача майора Бланкеннагеля по итогам его поездки в Хиву в 1793–94 гг., целый трактат митрополита Новопатрасского Хрисанфа, посетившего страны Востока, в том числе Центральную Азию в 1790-х гг. и послужившей, судя по всему, основным источником для записки графа Валериана Зубова «Общее обозрение торговли с Азией», где, в частности, рассматривалась возможность установления постоянных торговых связей между Россией и Индией. Программным документом для обоснования внешней политики России в последние месяцы царствования Павла I стала более общая записка Ф. В. Ростопчина, подтвержденная 2 октября 1800 г. с обоснованием идеи русско-французского союза и разрушения Османской империи.

Страны Центральной Азии в конце XVIII — начале XIX века

Казахская степь и пустыни Туркмении отделяли ключевые центральноазиатские государства от России.

В рассматриваемый период в **Казахской степи** существовали три этно-территориальные объединения, жузы, которые в России называли ордами: Старшая орда (Улу-жуз) в районе Семиречья и прилегающих территорий; Средняя Орда (Орта-жуз) от Джунгарского ханства до верховьев Иртыша, озера Зайсан, в бассейнах Ишима и Тобола; Младшая орда (Киши-жуз), территория жуза ограничивалась реками Урал (на западе), Тобол — на востоке) и на севере пограничной линией с Россией Оренбург – Орск. На юге в районе Аральского моря Младшей орде подчинялись кочевья кара-каракалпаков.

Становление южных границ Российской империи отражено в ряде современных исследований. (Е.В. Архипова, П.С. Белан, А.В. Постников).

Со стороны Восточного берега Каспийского моря центральноазиатские государства были отделены пустынной территорией туркменских племен. Основными туркменскими племенами являлись текинцы (самые многочисленные), йомуды, эрсары, човдуры, сарыки. Частью племенного объединения човдуров на полуострове Мангышлак, через который традиционно осуществлялась торговля, были абдалы. К концу XVIII в., несмотря на опасность грабежа, стала обыкновением караванная торговля хивинских купцов на мысу Тюб-Караган (в источниках также Тюк-Караган) на Мангышлаке, где непродолжительное время в 1716–1717 гг. просуществовала русская крепость.

На территории древнего Мавераннахра к концу XVIII в. находилось несколько ослабленных войнами и конфликтами государственных образований, населенных ираноязычным оседлым населением, тюрко-иранским городским населением (сарты) и многочисленными тюрко-монгольскими кочевниками. На территории междуречья Амударьи (Амур-Дарьи) и Сырдарьи (Сыр-Дарьи), а также долины Заравшана (Зеравшана) власть в это время оказалась в руках нескольких правящих династий из тюрко-монгольской степной знати — **мангытов** (Бухара), **кунгратов** (Хива) и **мингов** (Коканд). Хань-чингизиды оказались зависимыми от кочевой аристократии, правящей от их имени, хотя формально не называвшимися ханами. С этой реальностью приходилось сталкиваться российским подданным, по разным поводам и с разной целью оказывавшимися в этих странах. Границы ханств постоянно менялись. Сильное потрясение они испытали во время нашествия иранского Надиршаха, который через Балх и Чарджоу (Туркменабад) в 1740 г. вторгся в Мавераннахр, но после его убийства в 1747 г. его государство распалось.

Бухарский эмират (амират) занимал территорию к востоку от среднего течения Амударьи. В рассматриваемое время правителем Бухары был третий представитель узбекской династии мангытов **Шахмурад (узб Shohmurod ibn Doniyolbiy; правил в 1785–1800), который поддерживал связи с Россией.** Шахмураду наследовал старший сын Хайдар (правил 1800–1826). Он использовал в титулатуре приставку «сеид», так его матерью была дочь Абдулфеиз-хана, имевшего непрямые генетические корни, восходящие к пророку Мухаммеду. Бухарские посольства отправлялись в Россию в 1717, 1734, 1735, 1736, 1739, 1740, 1743 и 1763, 1774, 1779 годах. **В 1797 году посольство Палванкули курчи было направлено в Россию эмиром Шахмурадом** для решения задач, относящихся к сфере международной политики того времени. (противодействие Ага-Мухаммед-хану в Персии)..

Хивинское ханство (самоназвание Хорезм) возникло на территории древнего Хорезма севернее Бухары. В рассматриваемое время ханство располагалось в нижнем течении Амударьи и Сырдарьи при впадении их в Аральское море. От Каспийского моря его отделяли кочевья туркменов и казахов; на юго-востоке оно граничило с Бухарскими ханством. В 60-х годах XVIII в. в Хиве выдвинулись **инаки узбекского племени с монгольскими корнями кунград.** По-монгольски слово инак значит «близкий друг», «доверенный», «любимец». В Хиве этот термин соответствовал бухарскому аталык. Инаки были прежде всего военачальниками и правителя областей. В 1755 г. в результате переворота вся реальная власть перешла в руки инаков и это звание стало наследственным.

Инаки в Хиве, как и аталыки в Бухаре, обладали всей реальной властью. В э то время это был инак **Аваз-инак (Эйваз-бек, которого русские называли Авяз-бек; 1750-1804) из местной династии кунгратов,** а затем — его сын Эльтузар, инак Хорезма с 1804 г., провозгласивший себя ханом в 1806 г. Незадолго до воцарения Павла I произошел обмен посольствами с Россией. В апреле 1793 г. в Оренбург прибыли два хивинских

посланца — Искандер Аллабердыев и Рахимбай Достмурадов. В октябре 1793 г. в Хиву прибыл российский посланник майор Г.И. Бланкеннагель. В 1794 г. в Россию отправился хивинский посол Аваз Мухаммад-бий.

Кокандское ханство, в то время небольшое по территории, сложилось в Ферганской долине. На западе оно граничило с Хивинским ханством, на юго-востоке с Кашгарией, завоеванным к тому времени Цинским Китаем, на юге — с Бухарским эмиратом, на севере — с Казахской степью южнее озера Балхаш. На территории ханства находились древние города Андижан и Ходжент (Худжанд. В 1709–1876 гг. представители узбекской династии мингов сначала именовались эмирами, но потом приняли ханский титул. В рассматриваемое время правителем Коканда были Нарбута-бий (1764–1798), носивший титул бека Коканда, и его сын Алим-хан, который стал первым ханом Коканда (1798–1809). Ханство выступало основным посредником в торговле с Афганистаном, Индией и Китаем. Основной же торговый путь с Индией, который контролировали индийские купцы, был налажен через Кабул.

Еще одним государственным объединением в это время было независимое **Ташкентское владение**, сложившееся после изгнания джунгар на рубеже XVIII — XIX вв. (1784–1808 гг.). Оно занимало территории Ташкентской и Туркестанской областей Узбекистана. В конце XVIII в. в Ташкенте правил **ходжа** из рода Шейх Хованди Тахура (сокращенно Шейхантуар) Юнус-ходжа. Ему удалось расширить территорию на западе до р. Сырдарья и Чимкента на севере. В 1799 г. он захватил город Туркестан до этого зависимый от Бухары. Значительная часть Старшего казахского жуза, где проходили караванные пути в Россию, также оказалась под его контролем, что привело к расширению торговли с Россией. В 1799 г. Юнус-ходжа нанес поражение вторгшимся кокандским войскам. Юнус-хаджи пытался установить контакты с Россией при Екатерине II, продолжив их при Павле I. В 1797 г. ташкентский владетель Юнус-хаджа покорнейше просил императора «в покровительство и защищение его принять», дабы защитить от Китайской империи». В 1798, году Павел I сообщает ему о своей готовности «всемилоостивейше принять вас и благонамеренных подданных ваших под высокое своё покровительство и соизволяет, надеясь, что вы со стороны своей ощутите всю цену толикой е. и. в. милости». Исследователь Д. А. Мальцев делает вывод, что у казаков В. П. Орлова в 1801 г. имелась база в самом центре Средней Азии совсем рядом с Бухарой.

Страны Центральной Азии традиционно имели тесные связи с Персией, Афганистаном, Индией.

Периодизация внешней политики Павла I. Первый период

Кардинальные изменения на политической карте Европы и Азии в результате наполеоновских войн, прихода к власти в Иране новой династии Каджаров, а также усиление британских позиций в Индии в конце XVIII в. создали новую международную обстановку в Центральной Азии и оказали влияние на восточный вектор российской политики. В **первый период царствования** Павел I первоначально (до июля 1798 г.) попытался начать всё с чистого листа. Первое, что сделал Павел I, он резко прекратил Персидский поход генерал-полковника Валериана Зубова. Позднее Валериан Зубов, объясняя причины этого похода при Екатерине II, отвергал «суетное желание побед», считал главным даже не наказание Ага-Мухаммад хана и восстановление Грузии, а главнейше основать твердым образом с Персией нашу торговлю». В целом на Востоке Россия активизировала свои действия, что нашло отражение в изменении структуры внешнеполитического ведомства. Павел I одобрил проект Сергея Лазаревича Лашкарева (Лазара Григорьевича Лашкарашвили) и указом от 26 февраля 1797 г. при Коллегии иностранных дел был создан «Особый департамент для отправления дел, касающихся азиатских народов» (будущий Департамент азиатских дел в системе МИД).

Павел I в начале царствования в отношении Центральной Азии не был сторонником завоевательных планов. Это проявилось при рассмотрении известной **записки отставного майора и надворного советника Бланкеннагеля** (январь 1797 г.), совершившего в 1793–1794 гг. по приглашению Аваз-инака («ханского в делах сопровителя») в качестве глазного врача для его ослепшего дяди Мухаммада Фазиль бия поездку в Бухару. Приглашение было передано с хивинским караваном, прибывшим в Орск. Длительное пребывание в Хиве позволило ему собрать определённую информацию, на основе которой он и подготовил записку для нового императора. Бланкеннагель предлагал завоевать Хиву, чтобы открыть торговые пути в Индию. Высочайшим именованным указом от 27 июня 1797 г. записка была передана на рассмотрение Совета при Высочайшем дворе, но военные планы поддержки не получили. Основные проблемы, которые обсуждались в это время в С.-Петербурге, — это проблемы торговли. Свои соображения по поводу записки Бланкеннагеля представил назначенный Павлом I в конце 1796 г. Оренбургский военный губернатор (1796–1798 гг.) Осип Андреевич (Отто Генрих) Игельстром. Возможными направлениями торговых путей в самых общих, как он считал, могли быть: 1) прямо в Индию морем; 2) через Персию; 3) «а третий с малыми республиками, областями и народами в долине по Амин-Дарье расположенными». По мнению Игельстрема, «персидский торг из Хивы всегда будет процветать чрез Астрахань нежели через Оренбург».

Торговые пути

Это мнение отражало скорее более раннюю ситуацию, так как значение Оренбурга в связях с Центральной Азией в конце XVIII в. возросло. Торговля из Астрахани морем через Астрабад предполагала далее караванные трассы через Афганистан. Была, прочем, возможность «неусыпным трудом, и попечением учинить хивинским торг сухим путем». Из Хивы сушей можно было попасть в Астрабад (Горган). Игельстром считал перспективной организацию торговли с Центральной Азией через Мангышлак, то есть, «через туркмен».

Особенности торговли, товарооборот

По мнению, Бланкеннагеля, в Хиве и Бухаре всячески препятствовали появлению там купцов из России, предпочитая самостоятельно возить товары в Россию. Одним из таких препятствий был повышенный торговый сбор для не мусульман, что постепенно отсекало армян, сохраняя некоторые возможности только для татар. Другим вредным для российской торговли Бланкеннагель считал неэквивалентный характер торговли:

Торговый дефицит, по мнению Бланкеннагеля, покрывался наличными золотыми и серебряными монетами и поэтому охотнее они приезжают в Оренбург, нежели в Астрахань, «ибо провезти тайно не так удобно на кораблях, как сухопутно». Далее следовал общий вывод: «Зло сие умножается год от году, к великому государственному убытку». Последнее утверждение, естественно, могло вызвать недовольство императора, тем более, готовился новый тариф 1797 г., который ориентировался не на либеральный «Общий таможенный тариф для всех портов» 1782, а на указ от 8 апреля 1793 г., который носил протекционистский характер.

В связи с запиской Бланкеннагеля, Совет при Высочайшем дворе затребовал сведения от барона Игельстрема и генерала от инфантерии графа И. В. Гудовича, которые были доложены ими в записках, датированных взаимно 6 октября и 24 ноября 1797 г. Были изучены сведения об обороте драгоценными металлами и высказаны предложения. Дополнительно в 1799 г. в Хиву по поручению Оренбургского военного губернатора с секретной миссией был отправлен мулла Махмут Абдулкаримов для выяснения этого вопроса. По официальным данным отрицательный баланс торговли был не столь значителен (приводятся цифры и номенклатура экспорта и импорта). Проблема, поднятая графом И. В. Гудовичем, стала предметом специального рассмотрения в Совете при Высочайшем дворе в первой половине 1798 г. Ставился вопрос: «... столько ли вреден

вывоз золота и серебра в Персию, Хиву и Бухарию и можно ли без вреда для торговли тамошней оной воспретить».

Общий вывод Совета при Высочайшем дворе был следующий: «Торговые выгоды государства не те будут, чтоб баланс чужестранной торговли при всех портах и со всеми народами был непременно в пользу России, но, чтобы все части оной взаимно одна другую поддерживали, потому что, всегда терпя невыгоды при торге с одним народом, убыток сей вознаграждается превосходнейшим прибытком при торговле с другим. Товары, которые можно получать из внутренности Азии дешевле нежели из Европы, должны быть всегда предпочитаемы. В сем положении находится торг наш с Персией, Хивой и Бухарией. Получаемые нами от них товары нужны не для роскоши, но к поддержанию наших фабрик, тем наиболее, что они привозятся необделанными; и если и в самом деле чтоб число наших собственных товаров было недостаточно на заплату за привозимые из сих земель, то не предвидится невыгоды доплачивать за недостающее количество золотом и серебром. Поелику же золото и серебро входит к нам равномерно за превосходство отпуска наших товаров противу привоза, то заплатя из него некоторую часть сими металлами за столь нужные для нас товары и по ценам несравненно дешевле, нежели получаем оные из Европы, убавляя чрез привоз оных с сей стороны [...] в пример сему можно поставить Лондон, Амстердам, Копенгаген и Готтенбург (Гётеборг ? – Л.В.), которые ежегодно многие миллионы наличных денег посылают в Китай для покупки чая и разных тамошних товаров, находя в торговле сей большую выгоду, несмотря даже и на то, что знатное количество вывозимых ими из Китая товаров расходуется в собственных землях. В сильнейшее же подкрепление сего ежечасными опытами доказано, что торговля не терпит никакого принуждения...»

При обсуждении проблем центральноазиатской торговли в Совете были высказаны и предложения разрешить выпуск иностранной золотой и серебряной монеты, а расширить номенклатуру российского экспорта за счет хлеба, железа и других металлов, что для этого региона было запрещено по тарифу 1754 г. Павел I согласился с этими выводами и предложениями. 23 декабря 1798 г. был принят указ «О разрешении выпуска от порта Астраханского и чрез таможи Кизлярскую, Моздокскую, Оренбургскую и Троицкую иностранной монеты, железа, меди, олова и всякого рода хлеба». Именно эти подходы и соображения вплоть до 1860-х гг. определяли политику России на Востоке, хотя отрицательный баланс торговли продолжал увеличиваться, покрываясь отчасти вывозом драгоценных металлов.

Одной из торговых артерий со странами Центральной Азии было каспийское направление через Мангышлак.

В целом в рассматриваемый период четко прослеживается линия на нейтралитет в отношениях на Востоке, с одной стороны прекращение военных действий с Персией, с другой отказ от предложений о союзе с ней же, что предлагалось, в частности, в записке Хрисанфа и непосредственно Ага-Мохаммад-ханом. Отказался Павел I и от идеи создания некой конфедерации на Кавказе под эгидой Грузии. Акцент ставился на оптимизации торгово-экономических отношений со всеми странами региона, уменьшении торгового дисбаланса.

Переломным стал 1798 год, когда 17 июля последовал указ о конфискации всех французских товаров. Начался **второй период**, апогеем которого было участие России во второй антифранцузской коалиции 1798–1799 гг. и по инерции в первой половине 1800 г.

В рапорте барона Игельстрома А. Б. Куракину от 6 октября 1797 года как одно из перспективных транзитных пунктов торговли с Центральной Азией отмечался Мангышлак («удобство через туркмен к морю»). Через год, в 1798 г., исполняющий

обязанности астраханского губернатора А. Базен послал на Мангышлак к туркменам-абдалам астраханского купца армянина Артемия Арkelова, который давно производил с ними торговлю. Секретным поручением ему было поручено «испытать внутреннее состояние здешней торговли с Бухарией, Хивой и Туркменией и отыскать благонадежнейшие способы к удалению всех неблагоприятных соседних народов на них покушение...»

Переговоры завершились позднее в 1803 г. принятием туркменами-абдалами покровительства России. Однако Новопетровское укрепление на Мангышлаке появилось только в 1846 г.

Третий период во внешней политике Павла I (более четко с октября 1800 г. — 11/23 марта 1801 г.) ознаменовался поисками союза с Францией, разрывом отношений с Англией, поисками новых внешнеторговых партнеров на Востоке, началом присоединения Восточной Грузии (Картли и Кахети), проектами укрепления отношений с Центральной Азией и разрабатываемыми планами экспедиции в Индию. Потери российской экономики от разрыва отношений с Англией, по-видимому, должны были отчасти восполнить выгоды от торговли с азиатскими странами (Китаем, Индией, Персией), развитию которых Павел I придавал большое значение. Указом от 19 ноября 1800 г. был учрежден особый суд для решения судебных споров, торгующих в Астрахани индийских, персидских, бухарских, хивинских и «других заграничных азиатцев». Внимание Павла I привлек также поиск удобных путей в Индию.

Разведка путей в Индию

Расспросы о торговых путях в Индию с этого времени стали одной из задач получения разведывательной информации.

В Сенате активно обсуждались состояния и перспективы развития торговли с Центральной Азией на протяжении всего 1800 г., что нашло отражение в двух архивных делах. В одном из них «О развитии торговли с Хивой», в котором речь шла о торговле с Индией Бухарой и Хивой, приводились сведения из истории отношений с Центральной Азией (двух экспедициях черкасского князя Александра Бековича-Черкасского, Персидском походе Петра I, информация о делах бухарских и хивинских (1729 г.), «примечание профессора Гмелина о Каспийском торге», справки об учреждении Нижегородской и Воронежской торговых компаний при Екатерине II (закончившихся ничем). Отмечалось, что «персидский торг» состоит из российских товаров на 200 000 рублей (юфть, холст, разный хлеб) и западноевропейских как реэкспорт также на эту же сумму (кошениль, брускова (?) краска, тонкие сукна, кармазин, сандал, сахар и пряные корни). Был предложен еще один «Проект установления таковой компании с Персией и со все чужестранные области, лежащие по берегам моря Каспийского» с уставным капиталом 250 тыс. руб. Второе архивное дело явилось результатом обсуждения в Сенате записки, представленной Павлу I обер-прокурором Петром Христофоровичем Оболяниновым в конце 1799 г. «о распространении торговли с Индией, Бухарией и Хивой», опубликованная в 1897 г.

Отдельное поручение еще ранее в сентябре было дано президенту Санкт-Петербургского ратгауза Резвому: «Благоугодно государю императору знать, кто именно из российского купечества производит торговлю из Оренбурга в Хиву своими транспортами и как велики отправляем мы туда караваны и если будут впредь желающие производить сей промысел: то для охранения их в пути и для прикрытия по высочайшему повелению будут даваться казачьи эскорты. Высочайшую сию волю объявив избранному купечеству ваше превосходительство предложите им предложить о сем предмете на его рассуждение истребовать мысли. ... Гатчина. Сентября 13, 1800». Ответное донесение Резвого было неутешительным: «... при Санкт-Петербургском порте торгующие весьма немногие только сведомы обстоятельствах торговли от Оренбурга к Хиве, то не могут решительно судить об оной». В донесении от 16 сентября 1800 г. Резвого была

представлена «Именная ведомость о купцах, торгующих от Оренбурга в Бухарию и Хиву с показанием сумм всей торговли обращающихся». Общая торговля была оценена в 2.300.000 рублей.

В конце 1800 г. генерал-прокурор П. Х. Обольянинов представил доклад «О торге с Индиею, Бухарию и Хивою», где отмечал, что торговля эта «от самого ее начала до нынешних времен... почти беспрестанно подвержена была разным превратностям и что никогда не имела надлежащего твердого основания». Среди мер по развитию азиатской торговли намечалось создать «прочное и безопасное торговое пристанище» в Астрабадском заливе, для чего возобновить прежние торговые трактаты с Персией; учредить торговую компанию с главной конторой в Астрахани.

Представляет интерес записка Валериана Зубова «Общее обозрение торговли с Азиею», где, в частности, рассматривалась возможность установления постоянных торговых связей между Россией и Индией.

Как свидетельство активизации центральноазиатской политики Павла I следует рассматривать и **планы военных экспедиций в Индию**, как совместного похода русско-французского корпуса, так и секретную. экспедицию» донских казаков.

Подводя итоги

К концу XVIII — началу XIX в. российские товары начали доминировать на рынках Центральной Азии, а торговые обороты стали значительными. Различные аспекты российско-хивинской и российско-бухарской торговли освещаются в историографии в более широких хронологических рамках и вне изменений внешней политики России этого периода. Часто отмечается снижение дипломатической активности при Павле I, хотя, учитывая кратковременность царствования, на самом деле, этого не было.

В экономическом плане при всей выгоде взаимной торговли реальное соотношение экспорта-импорта (что не всегда могло учитываться таможенными сборами) было не пользу России. Особенно заметно это стало позднее к середине XIX в., когда хлопковый кризис в США побудил Россию к военной экспансии в Центральную Азию. Исторически сложившийся дефицит монеты из благородных металлов требовал от финансового управления павловской эпохи изыскания дополнительных ресурсов для изготовления чрезвычайных выпусков монеты. Именно в связи с этим в Непременном совете был рассмотрен вопрос о торговле с Хивой, Бухарой и Персией, в процессе которой российская сторона активно использовала благородный металл для монет с целью покрытия своих торговых расходов.

Принципы внешней торговли с государствами Центральной Азии на многие десятилетия были сформулированы в царствование Павла I и допускали дисбаланс торговли, так как это обходилось дешевле, чем реэкспорт центральноазиатских товаров (прежде всего хлопка и шелка) через Европу. Но Хива и Бухара рассматривались не только как рынки, но и как перспективная территория для установления прямых связей с Индией без посредничества мусульманских купцов. В этом контексте интересны сведения в документах РГИА о сборе по приказу Павла I информации как о торговле с Центральной Азией, так и о путях в Индостан осенью 1800 г., когда рассматривались варианты военной экспедиции в Индию во время наметившегося русско-французского сближения, а донским казакам, выступившим в поход в 1801 г., сообщалось, что они идут завоевывать «Бухарию». Должно было пройти полвека, пока планы завоевания Центральной Азии из мечты Павла I стали реальностью после 1850 г.